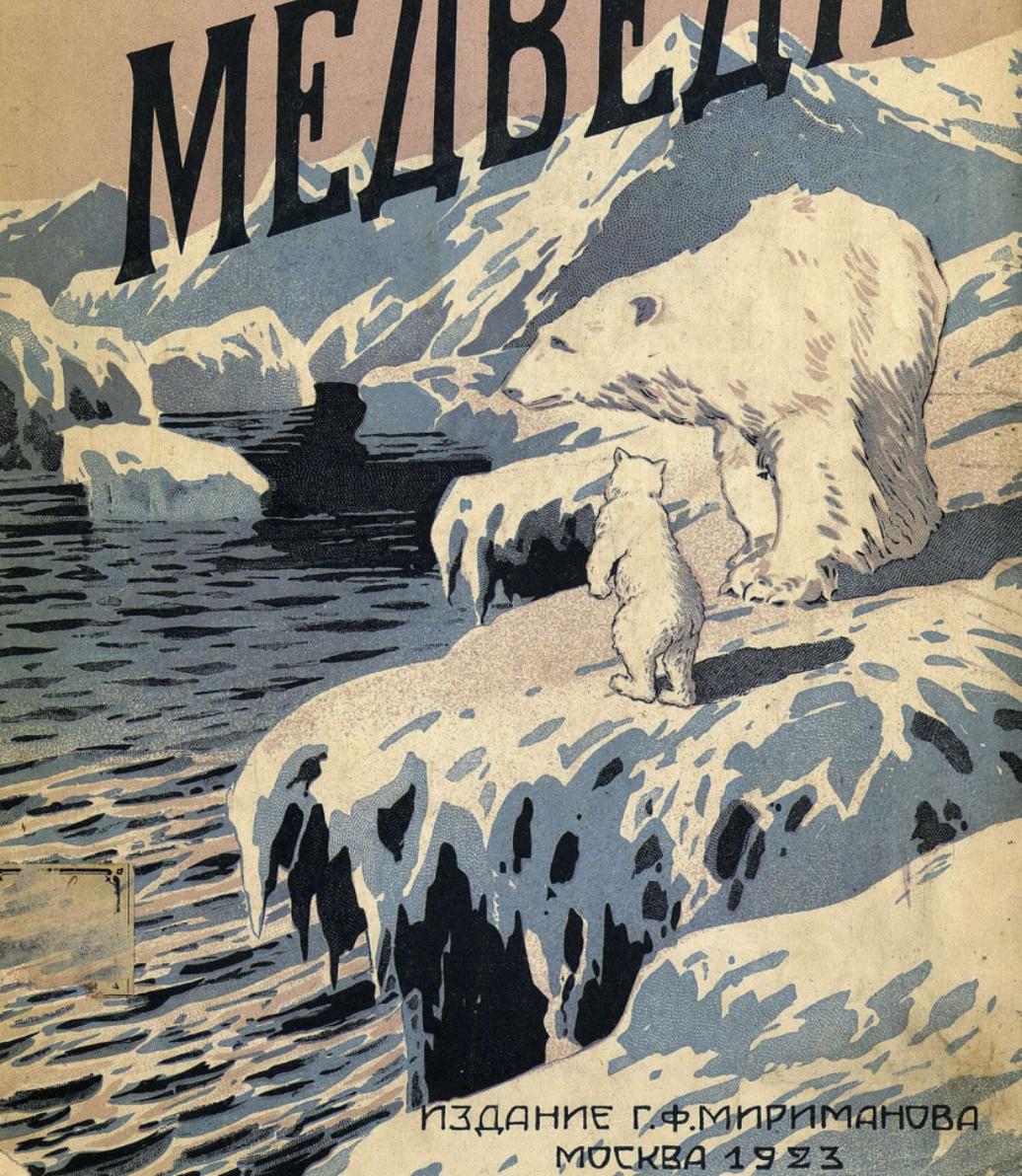

— МИР СКАЗОК —

ВЗЗ7СП

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

МЕДВЕДЯ

ИЗДАНИЕ Г.Ф.МИРИМАНОВА
МОСКВА 1923

Япон. 1988

110 F

нет

МИР СКАЗОК

С. ВЕРШИНИН

B-37

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МЕДВЕДЯ

(История белого медведя, рассказанная им самим)

B-37 сл

А

ИЗДАНИЕ Г. Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА, Плющиха, д. 11, кв. 17. Телеф. 1-16-26
1923 г.

КАЗАНЬ

92
Напечатано 10.000 экз.

23234 1967-68 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮВЕН
ДЕТГИЗА~~

661826 Кх. рег. 063.

Российская государственная
детская библиотека

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МЕДВЕДЯ

БУРЯ УСИЛИЛАСЬ настолько, что весь досчатый зверинец дрожал от ветра, и казалось, что вот-вот с него слетит крыша и всех зверей засыплет снегом метель. В ночной темноте светились одни только глаза тигров и слышались жалобные стоны и вздохи обезьян. Молча стоял слон и о чем-то думал; верблюд, вообразив себя в пустыне, лег на пол и протянул шею перед собою. Попугай засунул голову под крыло и вздрагивал во сне.

— Ах, как холодно!—вдохнула вдруг обезьяна.—Я не могу заснуть, я вся дрожу!.. Хоть бы поскорее умереть!

И ей в ответ откуда-то из глубины зверинца послышался вдруг хриплый голос белого медведя.

— Жарко, жарко, жарко...

Верблюд поднял голову и понюхал воздух. Клетка медведя находилась недалеко от него. Он боялся медведя, но любопытство превозмогло в нем его страх и он в удивлении спросил:

— Тебе жарко? Но кто же ты такой? Кажется, только один ты и не жалуешься на свою судьбу!

Белый медведь печально покачал головою.

— Я не жалуюсь?—ответил он.—Да мне хуже здесь, чем любому из вас. Ко всем моим страданиям здесь присоединяется еще и невыносимая жара.

— Из каких же ты стран?—спросил его верблюд.

Белый медведь глубоко вздохнул.

— Я родом из Северного Ледовитого Океана,—начал он,— из тех стран, где не живет ни один человек, где вечно стоит зима, где по угрюмым зеленым волнам плавают льдины величиною с шести-этажные дома, где целые полгода тянется ночь и вслед за нею наступает громадный полугодовой день. Я из тех

вольных, прекрасных, но одиноких мест, где плавают свободные киты, где северное сияние освещает ночные небеса и где не знают, что такое огонь и тепло...

— Как же ты сюда попал?

Белый медведь опять с грустью покачал головою.

— Если хочешь, то я расскажу тебе свою историю, — ответил он, — но уже ночь, ты, кажется, устал и хочешь спать?

— Нет, ответил верблюд. — Теперь уж мне не заснуть...
Говори, если желаешь!

Белый медведь откашлялся и начал свой рассказ:

— Как только дни стали становиться короче и наступила осень, так моя мать тотчас же выкопала в сугробе ямку, влезла в нее и улеглась. Загудели вьюги, повалился снег и мою мать засыпало в сугробе совсем. Она не двигалась, дремала и по целым месяцам не выползала на воздух, не ела и не пила...

— Как же она могла жить? — спросил верблюд.

— На ней было накоплено за целое лето столько жира, что целые полгода она могла вовсе оставаться без еды. По мере того, как она голодала, жир убавлялся на ней и питал ее тело, и ей казалось, что она была сыта. В берлоге было уютно и тепло. На целые сажени вокруг моей матери лежал пластами снег и не доносилось до нее ни малейшего ветерка. Около января у нее родились я и моя сестра. У белых медведей всегда бывает только по двое ребят. Мы были прелестными медвежатами величиной с кроликов. Казалось странным, что у такого громадного зверя, как наша мать, которая, ставши на задние ноги, была вышиною более сажени и весила около 30 пудов, и были такие крошечные детеныши, как мы. На нас был нежный, очаровательный пушок, мягкий, как бархат, и мы походили на шарики. Мы сосали свою мать до самого апреля, и все это время она попрежнему не ела ничего. Наконец, в апреле в нашей берлоге стало вдруг как-то странно: точно сквозь снег стал в нее проходить откуда-то свет. Теперь уже мы ясно могли видеть и нашу мать и друг друга. Теперь уж мы были величиной не с кроликов, а с собак, и наша мать была так худа, что совершенно свободно могла двигаться в берлоге. Весь ее жир ушел на питание ее самой и нас, и нам было странно, что она могла целые полгода пролежать под снегом и ничего не есть.

— Какие невероятные вещи ты рассказываешь! — прервал белого медведя верблюд. — Разве может живое существо целые шесть месяцев оставаться вовсе без пищи?

— Ты не имеешь понятия о том, — продолжал белый медведь, — сколько медведица запасает себе жиру за лето. К осени она делается от него почти такую же круглою, как мяч. Чтобы набрать такую массу жира, белые медведи поневоле должны быть прожорливы так, как никакое другое существо. Они едят целый день. Они отлично плавают и ловят себе рыбу. Их подкожный жир дает им возможность легко держаться на воде, они ныряют на громадную глубину и так проворны в воде, что ловят даже самых шустрых рыб. Когда они попадают на ледяные глыбы и поля, то так же легко ловят полярных птиц и едят их. С необыкновенной легкостью, несмотря на всю свою кажущуюся неуклюжесть, они вскарабкиваются на ледяные скалы и лакомятся на них птичьими яйцами, которые воруют прямо из гнезд. Случается, что во время таких походов они срываются с ледяной скалы и стремглав падают вниз. Но это для них вовсе не опасно. Благодаря своему жиру и пушистому длинному меху, они скатываются вниз, как кули с соломой, и после долго мотают головами туда и сюда, точно стараются показать этим, как им смешно. Но буду продолжать о себе.

Почувяв весну, моя мать стала разрывать лапами снег. Она вонзала свои острые когти в обледеневшую вокруг нас массу, и было любо глядеть, как во все стороны острыми иглами сыпался лед.

— Ты испортишь, мама, себе лапы, сказали мы. — Тебе после больно будет ходить.

Она засмеялась и протянула к нам свои передние лапы.

— Ничего, ответила она. — Разве вы не видите, что у нас на ладонях шерсть? Все животные в мире ходят босиком, одни только мы, белые медведи, имеем на ладонях шерсть. Когда мы разламываем лапами лед, то нам не больно, а когда бегаем по льду, то не скользим.

И она вновь принялась за дело. По мере того, как она разгребала обледеневший снег, у нас в берлоге становилось все светлее и светлее, и до нашего слуха стал доноситься какой-то звук, похожий на рев. Мать отвечала на него таким же ревом.

— Кто это, мама? — спросили мы со страхом?

— Это ваш отец, ответила мать. Он всю зиму не спал и все бродил около этого места, ожидая, когда я выведу вас на свет. Сегодня мы его увидим. Бедный! Он всю зиму скучал один! Ведь медведи-самцы в берлогах не живут!

Почувяв нас, наш отец стал громко реветь, ему таким же ревом отвечала наша мать, и мы с нетерпением стали ожидать, когда выйдем на воздух. Нас откапывал также и наш отец.

Но вот струя свежего воздуха ворвалась к нам в берлогу и в первый раз в жизни мы увидели свет. Мать вытолкнула вперед меня, потом мою сестру, затем вылезла сама. Не могу выразить тебе словами той великолепной картины, которая представлялась вдруг нашим глазам. На необозримое пространство тянулась ровная снежная степь, миллионами блесков сверкавшая на ярком солнце. На голубом небе не было ни одного облачка, вдалеке на горизонте ревел океан и по его бурной бирюзовой поверхности плыли ледяные горы, белые до того, что на них больно было смотреть. Они были разных причудливых форм: то походили на средневековые замки, то на церкви и колокольни, то на громадные шатры или на головы различных животных.

— Вот ваш отец!—указала нам мать.

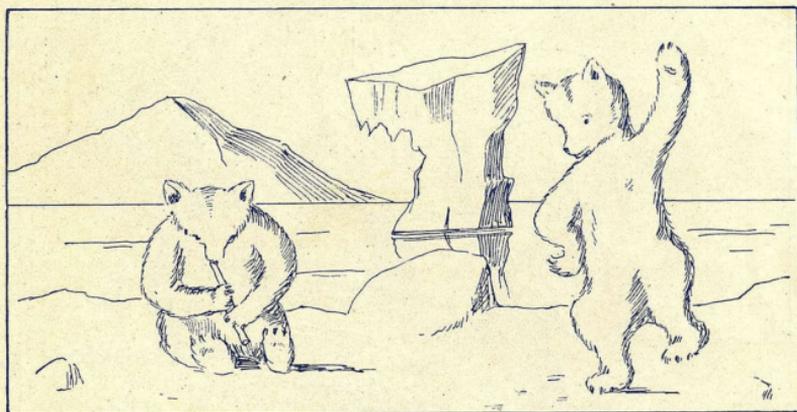
Мы увидели перед собой громадного красивого белого медведя. Он подошел к нам, обнюхал нас и нашу мать и вдруг поднялся на задние лапы и стал от радости танцевать. Моя мать тоже поднялась на дыбы, мы, медвежата, тоже,—и все четверо мы пустились в пляс. Затем мы стали возиться и играть. Наигравшись досыта, мы пососали материнского молока. От усталости мать еле стояла на ногах.

— А теперь пойдем на добычу!—обратился к матери отец.— Ты голодала целые полгода, тебе надо поесть.

Мы отправились на берег океана, и здесь, на наших глазах, мать бросилась в воду, долго в ней плавала и ныряла, ловила рыбу и ела. Ея примеру последовал отец, и когда оба они насытились и вылезли потом на берег, то им было так весело, что они стали бороться. Мы стояли в сторонке и глядели на это интересное зрелище, когда два громадных медведя, от удовольствия, что они были сыты, обхватили друг друга своими косматыми лапами и старались осилить один другого. Затем оба они растянулись на льдине у самой воды и стали отдыхать. Я и сестра

влезли к матери на спину и задремали. Было морозно, но для нас это—пустяки, и мы сладко спали у матери на спине. Светило радостное солнце, шумел безбрежный океан и на несколько сотен верст не было ни единой души, которая потревожила бы наш покой.

С этой минуты потянулись для нас блаженные дни. Мы переходили с места на место, мать учила нас плавать и нырять, показывала нам, как надо векарабкиваться на льдины, и мы резвились на снежной поверхности плавучих льдов и наслаждались жизнью. Наевшись, мы, по обыкновению, играли и боролись, а когда уставали, то отдыхали на спине у матери. Когда я или сестра хотели вдруг подурить и не слушались своей матери,

то она в наказание толкала нас в бок носом так, что мы падали и, как шарики, катились от нее прочь. Вообще мы были веселого нрава и жили интересами только одной нашей семьи.

Однажды отец остановился и стал нюхать воздух.

— Я чую!—сказал он.

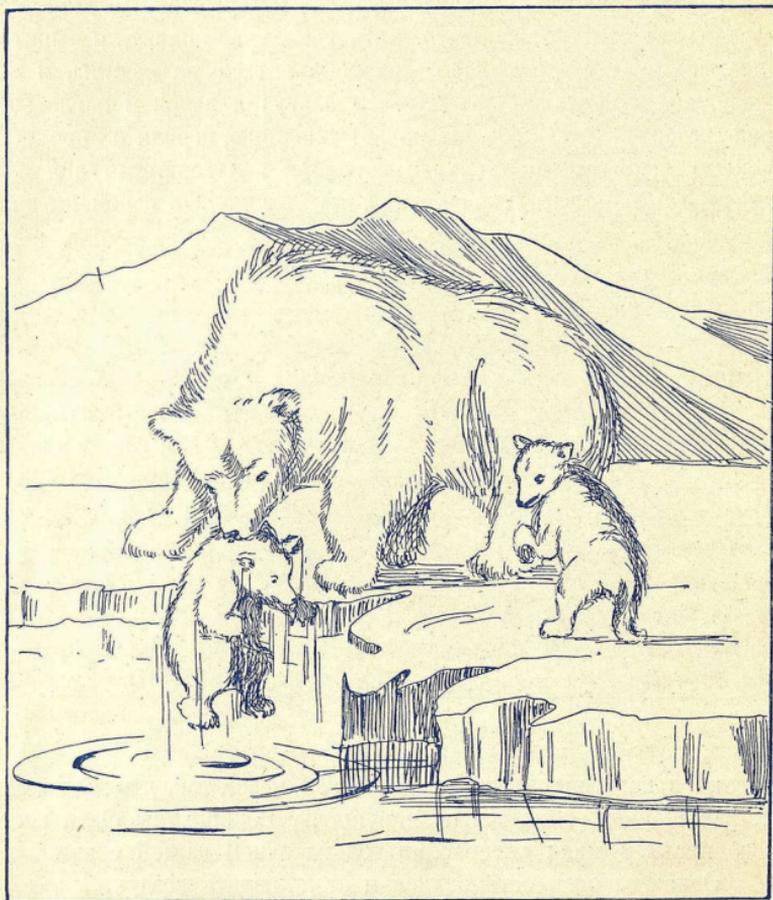
— Что ты чуеть?—спросила его мать.

— За несколько верст отсюда, к востоку, где-то валяетсядохлый кит.

Пойдемте его есть!

— Пойдемте!

И мы все четверо отправились туда, откуда доносился до отца запах кита. Это было где-то далеко, где мы, малыши, еще не бывали ни разу, и нам предстоял длинный путь. Мы шли через ледяные поля, переплывали через полыньи, вскарабкива-

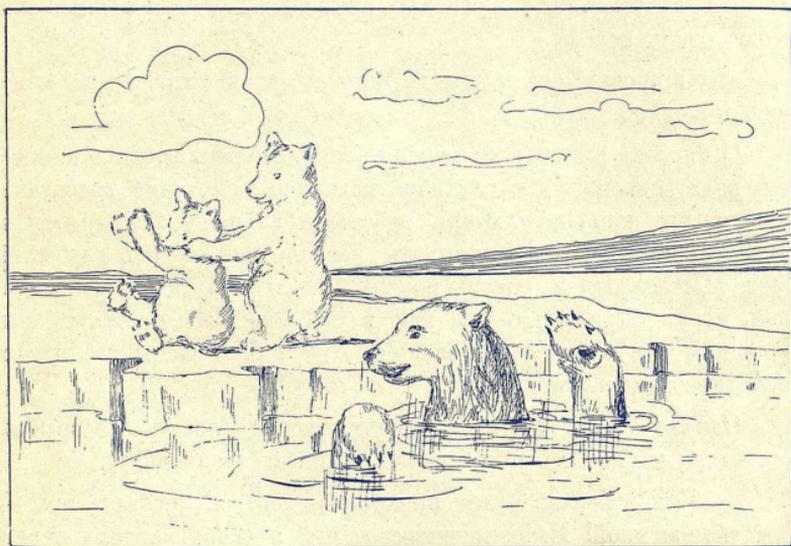

лись на горы и скатывались с них, как шары. Мы шли почти целый день, и если бы не чуяли запаха кита и сами, то не поверили бы отцу: так далеко кит находился от наших мест. Но чутье не могло обмануть нас; белые медведи чуют малейший

запах за несколько верст, и потому мы смело подвигались вперед. Наконец, после нескольких часов пути мой отец взгляделся в даль своими зоркими без ресниц глазами и сказал:

— Ого! Около кита собралось уже двенадцать других медведей! Как бы они не обидели вас! Оставайтесь вы здесь и подождите меня! Я вернусь к вам через два часа и принесу вам поесть!

Мы остались, а он отправился вперед один. Мы видели, как важно он шествовал к киту, как принялся потом за обед и как, наевшись, стал играть и бороться с остальными медведями.

К вечеру он вернулся к нам, положи перед нами громадный кусок китовины, поиграл с нами и снова отправился туда же.

— Куда ты? — спросила его мать.

— Прощайте! — ответил он. — Больше уж мы не увидимся с вами никогда! Я сделал для вас все, что мог; вы, дети, уже сами умеете плавать и добывать себе пищу и больше я вам уже не нужен. Я присоединяюсь сейчас к этим двенадцати самцам-медведям, которые собрались около дохлого кита, и мы будем бродить теперь целой стаей и заботиться только о самих себе.

Он простился с нами и ушел, и мы остались одни. Через необозримые снежные пространства мы отправились обратно к своим местам. Мы шли и шли, и нам было все равно, куда ни идти, потому что всюду для нас был дом и мы не желали больше того, что посылала нам судьба. Мы ловили рыбу, ели яйца полярных птиц, если они попадались нам на пути, а когда нечего было поесть, то мы довольствовались лишаями и мхом. Однажды мы выбрались на какой-то островок, обнажившийся от льда, и на нем увидели какие-то кисленькие ягодки. Они только-что поспели, несмотря на всю краткость нашего северного лета, в которое не успевают даже совсем растаять снега.

— Ешьте! Ешьте!—сказала нам мать.—Это поленика! Ее ягоды очень вкусны.

Мы принялись за ягоды, и скоро на всем острове не осталось ни одной.

С августа уже задули северо-восточные ветры, стал хлопьями валиться снег, а в сентябре начались уже такие трескучие морозы, что наша мать стала опасаться за наше здоровье, и в сильные метели стала зарывать нас на всю ночь в глубокий снег. Мы лежали в снегу, поверх его на нас ложилась наша мать и нам было тепло так, как в той берлоге, в которой мы родились. Когда наступал час еды, то мать откапывала нас и мы отправлялись на добычу.

Однажды мы шли так к океану, чтобы половить себе рыбы, как вдруг наша мать остановилась и огляделась вокруг.

— У нас сейчас будет прекрасная добыча!—сказала она.— Следуйте за мной! Мы отправились за ней и скоро увидели перед собою пароход. Он замерз во льдах, весь обледенел и было жалко на него смотреть. Из его трубы уже не курился дым и все снасти на нем повисли от тяжести сосулек.

— Что это?—спросили мы в удивлении.

— Это пароход!—ответила нам мать.— На нем приехал сюда человек. Безумец, он хотел добраться до Северного полюса и вот застрял здесь во льдах! Точно он не понимает, что в этих краях можем жить только мы одни!

Около парохода были сложены ящики с едой и стояли наготове сани. Очевидно, человек собирался бросить свой пароход

на произвол судьбы и уехать отсюда домой уже на санях. В самом пароходе слышны были человечески голоса и вой каких-то зверей.

— Кто это воет?—спросили мы мать.

— Это собаки,—отвечала нам она.—Их привез сюда с собою человек, чтобы запрячь их в эти сани и ухать на них отсюда, если его пароход застрянет во льду.

Мы слышали собачий вой и нам стало вдруг не-по-себе.

— Мама, нам страшно!—сказали мы.—Мы боимся собак!

Мать остановилась и стала соображать.

— Боюсь собак и я сама,—ответила она.—Боялся их и ваш отец. Это—единственное животное здесь, которого боится белый медведь. Но, быть может, они не заметят нас и мы успеем разломать хотя бы один только ящик и стащить из него ветчину. Вы не знаете, как она вкусна!

Она подошла к заготовленному человеком грузу, обнюхала его со всех сторон и презрливо замотала головой.

— Я ошиблась,—сказала она.—Это не ветчина. В этих ящиках запасено наше же, медвежье, мясо... Человек срезал с него сало, которое противно на вкус, и оставил одно только мясо, которое для него так же вкусно, как и ветчина. Пойдемте скорее назад.

— Так ты покорми нас медвежиной!—сказали мы.

— Что вы! Что вы!—ответила нам мать.—Разве медведи медвежину едят?

И она толкнула нас своею мордой, давая этим знать, чтобы мы как можно скорее бежали назад.

В эту минуту на борте парохода показался вдруг человек. Увидев нас, он бросился к двери и закричал другим:

— Скорее! Скорее! К нам подошли медведи! Давайте в них стрелять!

Мы испугались так, как никогда не пугались в своей жизни. Мы никогда не трогаем человека первые и всегда тотчас же бросаемся от него убежать. Так было и теперь: мы бежали от людей, насколько у нас хватало сил, а оба человека, с ружьями

в руках, следовали за нами, и мы увидели, что люди бегают скорее, чем белые медведи. Чтобы ускорить наше бегство, мать хватала в зубы то мою сестру, то меня, и так бежала далее с детенышем в зубах; а то она сажала мою сестру к себе на спину, а меня брала в зубы и так несла на себе нас обоих. Мы сознавали, что наше положение было опасно, и в ужасе теряли голову и не знали, что делать и что предпринять.

Вдруг—выстрел! Моя сестренка, сидевшая у матери на спине, застонала и свалилась на снег; алая лужица крови образовалась вокруг нее и запачкала ей белоснежную шерсть.

— Ой, лапку! Лапку!—закричала она.—Мне больно лапку!

Мать бросилась к ней и стала слизывать у нее с раны кровь.

— Что ты делаешь?—воскрикнул я.—Бежим скорее! Разве ты не видишь, что человек уже близко?

Мать печально покачала головой.

— Теперь уж все кончено!..—сказала она.—Твоя сестра ранена и теперь уж мы погибнем все. Медведица никогда не бросает своих медвежат. Если погибают они, то вместе с ними погибает и она.

Моя сестра дрожала и корчилась от боли. Бедняжка, сколько страдания было у нее в глазах! За что, за что ее подстрелил человек? Я глядел на нее, ужас овладел всем моим существом, но жалость наполнила мое сердце и мне хотелось броситься к ней, схватить ее и понести ее на себе.

Мать подошла к ней и ласково и осторожно толкнула ее мордой в бок.

— Бодрись!—сказала она ей.—Дай, я возьму тебя в зубы и понесу!

Но в это время раздался второй выстрел и пуля угодила моей матери в живот. Она заревела от боли, встала на дыбы и глаза ее засветились ненавистью и враждою.

— Не подходи!—закричала она человеку.—Я не отдам дешево свою жизнь.

Но он не понял ее медвежьего языка и бросился к ней. Она выждала, когда он подошел к ней поближе, и, оставив нас одних, вступила с ним в борьбу. Она повалила его на снег, подмяла его под себя, схватила зубами его ружье и разломала его с рычанием на части. Но в это время подбежал его товарищ, раздались два выстрела подряд, и моя мать закачалась и повалилась на снег. Затем она поднялась и, обливаясь кровью, печально побрела к нам. Дойдя до нас, она легла на левый бок. Подмятый ею человек вскочил на ноги, взял от своего товарища запасное ружье и побежал за нею.

— Все кончено!..—простонала наша мать.—Прощайте, мои милые детки!.. Теперь мы с вами уж не увидимся больше никогда!

Мама! Мама!—закричали мы оба и залились слезами.

Она задрожала, вытянулась во всю длину, глаза ее закатились и она перестала дышать. С неопишым ужасом я и моя раненная, плакавшая сестра вскочили на ее охладевший труп и стали ожидать своего конца.

К нам приблизился человек.

— Джемс!—крикнул он своему товарищу.—Медведица убита вами, а потому вам и принадлежит ее мех. Ее мясом накормите собак. Ея окорока прикажите посолить и оставьте нам в дорогу. Наблюдайте за тем, чтобы ее печени не наелись собаки, а то передохнут: медвежья печень ядовита для собак и для людей.

Мы с ужасом ожидали своей участи.

— Этого раненного медвеженка, продолжал человек,—надо заколоть и тоже бросить собакам на корм...

— А что делать с живым?—спросил его Джемс.

Человек подумал.

— Возьмем его к себе!—ответил он.—Маленькие медвежата бывают очень забавны и веселы!

Джемс подошел ко мне и сунул меня к себе в мешок. И я рад был, что не видел, как погибла под ножом моя сестра.

Меня принесли на пароход и привязали на палубе на цепочку. Я сидел, со страхом прислушивался к вою собак, закрытых где-то внизу, и тосковал по своим матери и сестре. Мне приносили есть и пить, я ел и пил, но все было не мило для меня, и мне хотелось опять на раздолье ледяных полей и к ласке матери, с которой так неожиданно разлучила меня судьба.

Затем из парохода вышли люди, вывели собак, которые были так, что у меня от страха приподнималась на спине шерсть, запрягли их в сани, уложили на них ящики, уселись сами, усадили на них меня и помчались куда-то на юг.

— Прощай „Жаннета“! — обратились они к пароходу, и слезы показались у них на глазах. — Прощай навек!

Они сняли шапки, помахали ими в воздухе, и скоро мимо нас потянулись ледяные поля, горы, сбоку нас шумел океан, затем снова начинались горы и поля, и через четыре недели пути мы стали встречать уже первые человеческие жилища. Они были выстроены из ледяных глыб и жившие в них люди были одеты в наши медвежьи меха. А потом мы снова оказались на пароходе и плыли уже по открытому морю, на котором уже не видно было льда. И чем дальше мы продолжали наш путь, тем становилось все теплее и теплее, мне нечем было дышать, я изнемогал от жары, и с тех пор уже не знаю больше, что такое приятный холодок наших полярных северных стран.

Нужно ли говорить, что было потом? Меня привезли в Европу и продали в зверинец. Я вырос, стал для человека опасен и меня посадили в тесную клетку, и с тех пор я уже больше не знаю свободы, не вижу ни ясного неба, ни моря, ни льда, и только изнываю здесь от жары и от удушливого запаха и нечистоты, стою целыми часами на одном месте и качаю головой, как часовой маятник. Так мне легче. За отсутствием рыбы, меня кормят здесь одной только ни дохлой кониной, от которой меня тошнит, и вместо прозрачного океана, который так для меня необходим, ко мне в клетку поставили бочку жалкой, мутной, грязной, пресной воды! И я сижу здесь, я страдаю и всякий

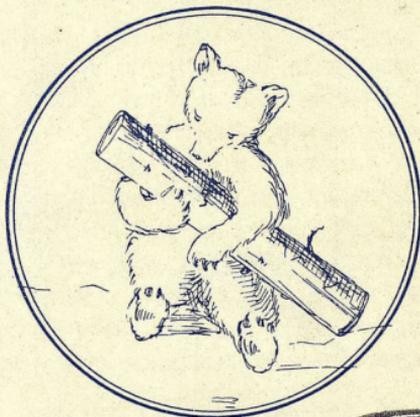

раз задаю себе мучительный вопрос, на который никак не могу себе ответить: зачем нас здесь томят, зачем людям понадобились наши страдания и неужели им нас не жаль?

Белый медведь смолк. Верблюд не ответил на поставленный им вопрос и только глубоко вздохнул.

Попрежнему кашляла обезьяна и разговаривал во сне попугай.

~~И.Ч.~~

Р-2-234

661826

Российская государственная
детская библиотека

40

120 =

